

ТРИ СТОП-КАДРА И ПОСТСКРИПТУМ

Кадр первый.

Конец 60-х – начало 70-х. Консерватория моего студенчества; нам по девятнадцать, а Успенскому — самому молодому декану — чуть за тридцать. Странный декан: любую нашу студенческую «бюрократическую» проблему решает на ходу, на лету схватывая ее суть.

Смелость, мужество и ответственность: выбрать в те брежневские времена антифашистскую, антитоталитарную чапековскую «Войну с саламандрами» в качестве основы для оперы. На ее премьере был весь факультет, а сцены из нее мы цитировали на наших капустниках. Мы любили Успенского.

Кадр второй.

Конец 70-х — начало и середина 80-х. Мы — коллеги. Успенский — зам. председателя Союза композиторов, а я — новоиспеченный член Союза. В одном из домов творчества начинается наше личное общение, начинается дружба, продолжавшаяся почти четверть века. Владислав Александрович, внешне всегда приветливый, но замкнутый в себе, иногда — понемногу — приоткрывается. Ироничный и ранимый, честный и беспристрастный. Может быть, чтобы охарактеризовать его яснее, уместно вспомнить одно очень редко употребляемое и почти забытое слово: благородство.

Кадр третий.

Конец перестройки. Свобода! «Всенощная» Успенского. Переполненный Казанский собор. Сильная, по-настоящему духовная музыка. Явление, сравнимое с самыми высокими кульминациями нашего всеобщего самооткрытия. С «огоньковскими» публикациями. С баррикадами на Исаакиевской во время августовского путча в ожидании приезда Собчака.

Владислав Успенский: редкое сочетание качеств Художника и Человека. Миссия художника: замахнуться на заведомо несбыточное. Миссия человека: осуществить это со скромностью и достоинством.

Сергей БЕЛИМОВ
4 июня 2004
Париж

P.S. & P.M.

Postscriptum et Post mortem

Это письмо пришло по электронной почте накануне панихиды в Доме композиторов, накануне прощания с Владиславом Успенским. Мы не стали зачитывать его в ряду других телеграмм — нам показалось, что его тон и стиль ближе к жанру мемуаров, нежели к некрологу. Зато по прошествии времени, когда утихла первая боль, родился постскриптум — еще несколько «стоп-кадров» из длинной ленты воспоминаний.

Я поступал в Консерваторию на заочное отделение ТКФ — так тогда назывался факультет — в 1970-м. Впору спеть: «Декан мой был меня моложе, а мне — едва за тридцать пять...». Правда, писать о музыке своего будущего декана, говорить о ней (вот уж не гадал!) и раньше приводилось — и в рецензиях на концерты «Ленинградской музыкальной весны», и на «круглых столах» в Доме композиторов. Думаю, как всякому пишущему о современной музыке, мне случалось иногда и огорчать композитора: особенно ранили Успенского упреки в кажущейся «разноликости», в стилистической неоднородности его произведений. А он не боялся быть «разным»: в камерных или оркестровых пьесах обращался подчас к самым радикальным средствам, к серийной технике; в иных же жанрах, особенно в опере, в песне, не заигрывая с широкой публикой, мог быть простым и доходчивым...

Однажды я озаглавил пастернаковской строкой: «Вся рвется музыкою статья» отклик на премьеру вокально-симфонического цикла Успенского «Диалог о любви» на стихи Бориса Пастернака и Марины Цветаевой. Я думал о поэзии, рожденной духом музыки и возвращающейся в ее лоно. Но оказалось, строка эта — и о душе композитора, полной любви, рвущейся излить радость и боль...

... Он сам написал светлый реквием — молебен «На исход души»: и в минуты прощания, и на концерте, открывшем новый сезон в Доме композиторов душа Владислава Успенского была (и да пребудет!) с нами.

Иосиф РАЙСКИН
9 ноября 2004
Санкт-Петербург